

МАЭСТРО

Неожиданная смерть Олега Марусева потрясла многих коллег и поклонников. И лишь самые близкие были в курсе, что последние годы известный конферансье, актер, режиссер и ведущий сражался с тяжелым заболеванием, победу над которым одержать, увы, не смог.

Геннадий Норд

Олег Марусев родился 2 октября 1944 года в Ташкенте. Детство провел в Херсоне. окончил актерский факультет Днепропетровского театрального училища, творческий факультет Киевского института театра и кино и режиссерский

факультет ГИТИСа. Был автором и ведущим телевизионных программ «Концерт после концерта», «Старая квартира», «Под знаком зодиака», «Пойми меня». Снимался в фильмах «Графиня де Монсоро», «Марш Турецкого», «Крушение империи» и многих других.

Служил в Театре Луны под руководством Сергея Проханова, преподавал

актерское мастерство. Заслуженный артист РФ, кандидат философских наук, академик РАЕН, член Союза писателей Северной Америки.

Когда разговаривала с такими людьми, как Марусев, особенно остро жалеешь, что не режиссер документального кино. В интервью невозможно передать не только интонации его знаменитого голоса, но и то, как он копирует каждого, про кого рассказывает.

А уж эти его истории!

- Как ты оказался на эстраде?

- Эстрада в моей жизни появилась, можно сказать, случайно. У меня есть такая не самая лучшая черта характера: мни быстро всё надоедает, как только я начинаю понимать технологию, изнанку, так сказать. И замечательно то, что театр - постоянная загадка, где, слава богу, технологии не довлеют над изобретательством, и поэтому он всегда интересен. Идуша, что единственное, что мне никогда не надоест.

Так вот, об эстраде. Принимал активное участие в капустниках, которые проводились в училище. Потом появились студенческие халтуры - концерты, с которыми мы ездили по городам и весям. Это казалось замечательной жизнью - ни режиссеров, ни дисциплины, но как оплачивается! В молодости заработок значит много. И я пошел на эстраду. И узнал, что такое шоу-бизнес за 35 лет до того, как это слово вообще научились произносить в России.

- Советская эстрада была многообразна?

- Еще как! Судьба дала шанс поработать с уникальными исполнителями!

И увидеть, что в СССР на тот момент была эстрада, а там - совсем другие законы и внутри коллектива, и при общении с публикой. И когда шоу-бизнес вошел в нашу жизнь, он меня не сломал, я понимал, что происходит, в отличие от многих товарищ, которых сломали и тяжело переходили в новую жизнь.

- Эстрада любит полную трезвость. Ты мог себе позволить выпить перед концертом?

- Я никогда не позволял себе и не позволяю сегодня выходить на сцену под выпившим. Хотя после спектакля могут спокойно с друзьями сидеть до утра.

Но случилась страшная вещь! Я два раза подряд вышел на сцену в состоянии, которое трудно назвать трезвым, я мало что соображал. И в зале сидели мои друзья, коллеги, музыканты. А вести шоу для музыкантов - это не так просто, ведь музыкант - не профессия, а национальность, скорее.

- Они заметили?

- Поразительно - они ничего не заметили. После этого тихого ужаса подходили ко мне, хвалили всерьез. И это делали не какие-то добрые люди, а Сева Шиловский, например, один из лучших слово сказаков, Борис Химичев, Саша Голобородько, Стас Намин...

И я понял, что надо уходить: раз я могу это делать даже левой ногой, то, значит, растя некуда, начнется регресс. Я принял домой, записал на автоответчик: «По поводу концертов прошу больше не звонить».

И не брал трубку. Успокоился, понял, что прожить - проживу, а вот совестью торговаться не буду.

Инженер-конструктор Раиль, «Возвращение чувств» (1979)

- Время лечит. Удалось это пережить?

- Прошло немного времени. Сидел я как-то в кафе, заходит Серёжа Проханов. Он основал и руководил Театром Луны. Подходит и говорит:

- Ты знаешь, у меня есть идея, смешно сыграть маленькую роль?

Я согласился, не раздумывая, хотя больше 30 лет не работал актёром.

- И так вернулся в театр?

- Да. Мы начали репетировать, постепенно моя роль из маленькой стала одной из главных, вот мы и играем этот спектакль уже много лет - «Диагноз: Эдит Пиаф».

И скажу честно: нынче один цветочек после спектакля мне дороже тех букетов, которые дарили, когда я работал в шоу-бизнесе. Потому что за этим цветочком стоят нервы, боль, волнение как на первокурсника - и это каждый раз.

В шоу-бизнесе и телевидении я всё давно знаю. Там всё технологично. Как таблица умножения.

- У тебя никогда не возникало желания вернуться в эфир, например, самый удачный твой проект - «Пойми меня»?

- В одну воду дважды не входит. Иногда эта «Пойми меня» так мне нравилась, что я даже не вёл её, отдавал процесс молодым актёрам - Марине Голуб, Жене Дворжецкой. И это принесло им популярность! Я завидую внутренней гармонии Якубовича, который выходит десятилетиями в «Поле чудес» - я бы с ума сошёл!

- Ты много лет проработал на телевидении...

- Между прочим, я ни одного дня не работал на телевидении. Придумывал передачи: да, вёл их - три-четыре года. И до сведения! Это было сотрудничество с телевидением, не работа. Вернувшись на ТВ могу только в качестве гостя. Да и выходить с этим лицом в эфир. Есть же возрастной ценз, в конце концов. Телевидение не искусство само по себе. Оно как витрина магазина. В ней может лежать яйцо Фаберже, а может - просто яйцо. Телевидение - часть интерьеров. И в нём должны появляться молодые лица, чтобы украшать квартиру.

- Кстати, что касается «Старой квартиры»...

- Идея программы принадлежит не мне, а Толе Маликуну, хозяину «Авторского телевидения». И он пригласил Витю Славкина написать первый сценарий, выбрал ведущих - меня, Витю, Киру Прошуинскую, Ваню Кононова, Гришу Гуревича. И «Старая квартира» всё шла, шла и шла, и, в конце концов, ее закрыли. Канал закрыл, и правильно сделал, потому что никто из нас не взял на себя ответственность придумать что-то новое, изменить её.

- Думаю, что нечто в формате «Старой квартиры» сегодня могло быть на ТВ.

- Её элементы появляются. Например, в «Следствие вели...» с Лёней Каневским. Так обязательно авторы вплетают подробности эпохи в изложение. И это очень хорошо.

- Нет ностальгии по старому ТВ?

- Не подвержен я ностальгии по старому ТВ. Мне слово даже не нравится, потому что ностальгия - тоска по родине, а телевидение родиной мне никогда не было.

Телевидение 90-х - это была катастрофа, пена. Как у Булгакова, помнишь, в «Мастере и Маргарите»? Когда Берлиозу наливают абрикосовой, «абрикосовая дала обильную пену, и в воздухе запах парижмажерской». Точнейшее описание. Много пены и не слишком приятных запахов.

Директор школы,
«Кто, если не мы»
(1998)

Комендант
Лувра, командир
гвардейцев
де Крион,
«Графиня
де Монсоро»
(1997)

Крымов, «Очарование зла» (2006)

Генерал-прокурор,
«Победители»
(2017)

Владелец аттракциона «Цеппелин», «Гибель Империи» (2005)

- А сегодня телевидение тебе нравится?

- Сегодняшнее телевидение мне не нравится, потому что в нём ухасающие ушли требования к качеству программ. Качество заменили стёб, псевдораспространённость. Сегодняшнее телевидение стало технологичным, по западному образцу. И здесь я тоже вижу некий конфликт.

Понимаешь, так или иначе, но мы все вырастаем на православной культуре, потому что читаем русские сказки, где в столкновении добра со злом метод борьбы со злом никогда не становится извукским. Герой русских сказок никогда не переступает через слабого, не пойдёт наверх, толкаясь ложками. А в сегодняшнем телевидении, где передачи строятся на купленных в других странах форматах, проповедуется другая формула успеха. Как в программе «Слабое звено». Это - формат другой конфессии. И смотри, что получается. В школе дети учат Пушкина, Гоголя, Достоевского - всё это православная культура. А смотрят продукт, созданный людьми других конфессий. Как это обернётся, трудно сказать. Тем, кто начал смотреть эти программы, было лет по пять. Посмотрим, какими они вырастут.

- Ты много преподаешь...

- Да, я действительно много времени отдаю работе в ГИТИСе. И да, согласен, точнее, почти согласен с тем, что уровень образования абитуриентов катастрофически падает. 20 лет назад мне достаточно было сказать студенту:

- Понимаешь, здесь ситуация, когда любовная подка разбилась о быт.

И он мгновенно всё понимал! Он знал, в какой момент это написал Майковский, какон не понимал времени, в котором «мурло-мешанина» влезло в идеалы революции. Сегодня же мне всё это приходится объяснять: кто написал, когда, о чём. И вместо секунды уходит полчаса. Вот здесь катастрофа. Сегодняшние студенты все уверены, что Отелло задушил Дездемону. Никто не читал Шекспира, не знает, как там всё было. Недоучки, все до поверхности.

- Это вина молодых?

- Это не вина молодых. Так их учат в школе! Может, я ошибаюсь, но мне кажется, дела не в школьных программах, а в том, что огромное число учителей берут деньги, чтобы поставить «четвёрку».

Для меня есть две непримлемые вещи: халтура на сцене (был бы за неё морду!) и преподаватели, которые берут у студентов деньги за оценки. Ведь этот папан знает, что он может не учить, а просто дать деньги! И педагог, который обязан учить не только предмету, а тому, как жить, даёт ужасный пример! «Как жить?» - сказал кто-то мне. А я ответил: уходить из профессии! Потому что надо учить,

а не продавать отметки. Счастье в том, что я знаю и другие примеры, знаю преподавателей, для которых скорбительны попытки купить отметку. Сам такой.

- Тебя Союз театральных деятелей по результатам опроса артистов театра, кино и эстрады назвал лучшим конферансье страны. При этом было констатировано, что, к сожалению, конферанс - как жанр сегодня умер. Так почему же умер конферанс?

- Потому что исчезли концерты из серии «сборная солянка». Сейчас пришло

время сольников. А зачем на сольнике конферанс? Чтобы выйти и сказать: «Выступает Вася Пупкин!» Так Вася Пупкин и сам себя прекрасно объявит. Сегодня сборные бываются только на телевидении, но в телевизионной форме конферанс не нашел себя. Конферанс - это сиюминутные остроты. А когда теряется сиюминутность - острота может легко превратиться в пошлость.

- А может, просто подход ко всему изменился? Поток, конвейер, халтура.

- Может быть. Сейчас, случись в концерте какая-нибудь «дырка», заткните ее как-нибудь вроде антракта. А в былые времена вся ответственность ложилась на конферанса. Однажды прямо во время концерта мне сообщили, что на 40 минут опаздывает артист, на которого люди и шли, - Евгений Петросян. В течение этих сорока минут я должен был чем-то публику развлекать. Другой бы на моем месте анекдоты рассказывал, но у меня принцип такой был и есть никаких анекдотов. Накануне ночью я прочитал книжку на сербском языке...

- А ты сербский знаешь?

- В моей жизни очень много мистического. Вот и с сербским тоже. Я его никогда не учил, но в свое время работал в Госконцерте с югославскими артистами. Уже через полчаса после первого знакомства с ними я вдруг начал говорить на сербском, сам не понимая, откуда всплыли слова и целые выражения. Югославы только диву давались.

В советские времена, как известно, был большой спрос на запрещенную литературу. Но никто и не подозревал, что все эти книги совершенно свободно стоят в книжных магазинах, правда, в отделах литературы соцстран. Я прочитал на сербском все, что народ из рук в тайком друг другу передавал: Солженицына, Набокова, Гумилев... А накануне того концерта с Петросяном приобрел в книжном «Крестного отца» Марио Пьюзо, опять же на сербском, и полочи ее читал.

И вот концерт, Петросян нет, а я не представляю, чем заполнить предстоящую сорокаминутную паузу. Как-то само получилось: «А я вчера книжку читал...» И начал читать ли не по ролям рассказывать содержание книги. Зрители слушали, открыты рты. На фразе «И тут они поняли, что помочь им может только Дон Карлеоне...» меня начинает потряхивать. Дело в том, что я успел только полкниги прочитать. Почти все, что прочитал, уже рассказал. И тут вбегает опоздавший Петросян! Как бы ни был хорош Женя на сцене, как бы ни обожала его публика, на лицах зрителей во время его выступления явно читалось желание узнать, а что же там дальше было с Карлеоне. После концерта Петросян поинтересовался, чем я столько времени народ развлекал. И я еще раз, теперь уже лично Петросяну, рассказал содержание «Крестного отца». Его первую половину.

- Видел, как ты после одной из сцен «Природный экстрим», где играешь роль царя берендеев, после одной из сцен упал на диван.

- А я после этой сцены каждый раз отлеживаюсь. Дело тут не в возрасте и не в физической подготовке. На сце-

Артист Тарас Игоревич Минин, «МУР. Третий фронт» (2011)

Издатель Олег Федорович, «Партия для чемпионки» (2013)

Окончание. Начало на с.9

не надо выкладываться по полной, а там уж, за сценой, и задыхаться, и отдыхать. Есть закон: пусть даже случится потоп, актер должен доиграть свою роль. Однажды я стоял на сцене, зная, что именно в эти минуты умирает мама...

Был еще один момент, когда я испытал настоящий ужас. Со спектаклем «Процесс» по Борису Васильеву мы поехали в Сочи. Это была отличная возможность вывезти шестилетнюю дочку Наташу на море. Там, когда мы приехали выступать в один номенклатурный санаторий, она в чём-то провинилась, я усадил ее на диван в одной из комнат:

- Ты наказана. Сиди здесь до конца спектакля! Чтобы за кулисами я тебя не видел!

Стоя на сцене, вдруг слышу - страшный грохот, звон стекла. И именно из того помещения, где я оставил дочку. Меня будто током бьёт: там, прямо над диваном, где она сидит, висит огромнейшая, метра три в диаметре, медная с хрустальным люстри. Врачи, которые в зале сидели, туда все бросились и не возвращаются. А я на сцене, что-то говорю, а сам уже вижу осколки люстры, кровь ребенка, вижу, как возвращаюсь в Москву и сообщаю жене.

Когда все-таки вбежал в холл, увидел своего ребенка, склонившегося на диване, целого и невредимого. Оказывается, какой-то абсолютно пьяный цыковский товарищ не увидел стеклянной стены и пошел напролом, разбив ее своим телом. А врачи, которые из зала убежали, оказывали ему помощь. Больше я Наташку так не наказывал.

- А тебе в детстве было за что наказывать?

- Не то слово. Взять вот хотя бы курение. Я начал курить в семь лет. Пришел первого сентябрь в первый класс, заскочил в туалет, а там стоит десятиклассник и курит. Протянул мне папироску: «На, смоли». Я и засмогли.

- Я так понимаю, курение - это цветочки?

- Цветочки. Мы жили в послевоенном Херсоне, где дворовые компании презирали примерных мальчиков. И я, естественно, им не был. Носял прозвище Ата-

ман Маруся и, не скрою, среди мальчишек пользовался кое-каким авторитетом. За семь лет поменяло одиннадцать школ: выгоняли за хулиганское поведение. Драки, стена на стенку с кастетами, цепями и захватами между пальцами чинками - это половинки бритвенных лезвий. Срывали с прохожих шапки, подрезали сумки - все было. И если бы отец однажды не выпыпал меня из приемника-распределителя после одного такого «подрезания», сидеть бы мне в детской колонии.

- А первую любовь свою помнишь?

- Хотелось бы забыть, но разве забудешь? Такого наворотил.

- Интригуюшь.

- Ну хорошо, расскажу. Столько лет молчал. Из-за любви я пытался повеситься.

- Вот это поворот!

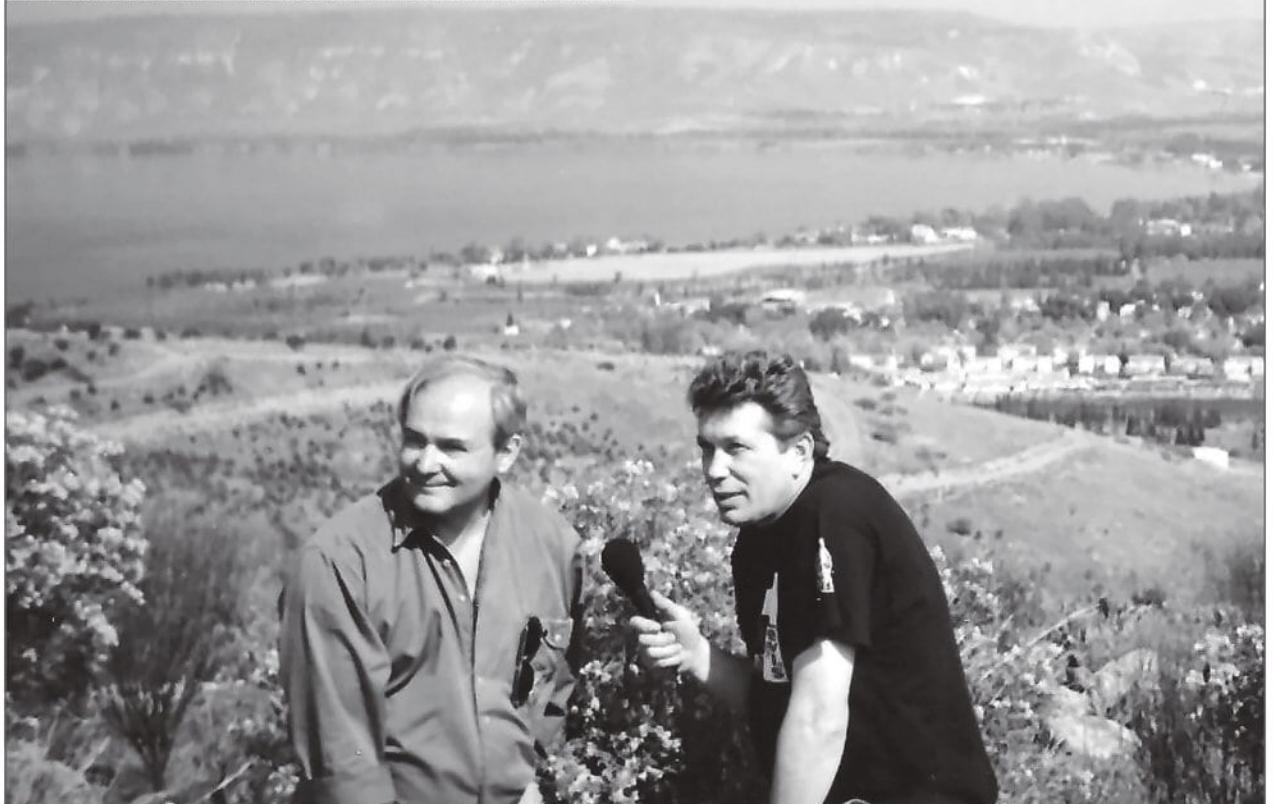
- Ее звали Наташа, и она была из Запорожья. Однажды нас, студентов театрального, пригласили в Запорожье выступить с концертом. Конечно же, я предложил ей по случаю поехать с нами. Там она по своим делам отправилась, а я на концерт. Возвращаюсь за ней и вижу: она с каким-то товарищем возле дома стоит. Обнимаются, целуются. Что в душе моей творилось - не передать. Вернувшись домой, в свою коммуналку, ночью. И начались у нас на кухне разборки - долгие, нудные, невыносимые. В конце концов, ей, видимо, надоело, и она спать пошла в свою комнату. А я все успокаиваться не могу, мысли точат: вот не станет меня, тогда-то она поймет, кого потеряла, тогда-то поклоняет. Вытащил ремень из брюк, соорудил петлю, зацепил ее за крюк, торчащий из печи-голландки, набросил на шею...

- Это ж надо решиться, шаг сделать.

- Никаких шагов делать не пришлось, да и боли никакой не чувствовал: ремень передавил сонную артерию, и я просто потерял сознание. Все, что было потом, мне рассказали соседи. Спасла меня эта самая Наташа.

- Почемучка?

- Ничего она не почувствовала. Просто забыла на кухне сумку и за неё вернулась. Заходит, а тут я вижу - красивый такой, в концертном костюме, при бабочке, с языком на плече и вытаращенными глазами. Она орала так, что передудила весь дом.

C Всеволодом Шиловским на съемках программы «Под знаком Зодиака» в Израиле

- А потом?

- Пришел в себя. Лежу на кровати, врач рядом. Состояние описанию не поддается. Язык так и оставался выпяченным наружу сантиметров на десять. Мне казалось, что он висит на волоске и стоит мне только выдохнуть, отвалился. На груди будто груда горячей гальки, а глаза - два краевых шара.

- Печальная история.

- Если бы она не была еще и смешной. Наутро, узнав о случившемся в квартиру, весь взъерошенный, прибежал мой педагог из театрального, Даниил Тихонович Бондаренко. После первой же скандиной им фразы я хотела так, что мой язык на самом деле чуть не отвалился. Дело в том, что перед концертом мне и моему напарнику по сцене пообещали гонорар по 100 рублей на брата. А выдали по 94 - налоги вычили. Мы, само собой, возмущались, ведь на шесть рублей в те времена можно было неделю хорошо питьаться. Так вот, заскочив в комнату к «воспитывшему», моему любимому учителю, заламывая руки, трагично спросил:

- Олег, неужели это из-за шести рублей?

- Давай поговорим о чем-нибудь веселом. В артистической среде ты известен еще и как непревзойденный мастер разыгрыша. Признавайся, как наиболее грамотно развел?

- Легче перечислить, кого не развел. Но я разыгрываю только тех, кого очень хорошо знаю, и в чьем чувстве юмора уверен на сто процентов.

- Например?

- Однажды на фестивале в Артеке я сильно потянул ногу. Народ приходит:

- Сидишь? А мы купаться ходили! Водичка кайф!

И так без конца. Когда зашел Сева Шиловский с той же фразой, терпение мое лопнуло. Позвал Игоря Ливанова:

- Игорек, будешь пить кофе с Шиловским, очень прошу, скажи одну фразу: «Что-то пахнет тут как-то плохо, давай пересядем». Он так и сказал. Сева принююхивался-принююхивался, но ничего не унюхал.

Еще часа через два прошу Женю Дворжецкого, чтобы он поговорил о чем-нибудь с Шиловским, а в конце сказал: «Что-то здесь дермом пахнет». Сева снова нюхает, ничего не понимает. Может, говорит, шлюзы спустили?

Вечером снова ко мне заходит. Я носом ворчу:

- Сева, ты где купаешься?

- За пирсом!

И тут я делала большие глаза, говорю, что он сошел с ума, потому что именно за этим пирсом сливалась канализация Артека и всего Гурзуфа вообще. Для подтверждения своих слов отправляю его к капитану нашего корабля Юре, которого я, конечно, тоже заранее подговорила.

Утром заходит ко мне грустный Сева. А у меня Дворжецкий сидит. Женяка посмотрел на Севу, не выдержал и как дадай ржать! Шиловский все сразу понял. Говорит:

- Сволочи, я всю ночь не спал! Шесть фланков шампуня на себя вылили!

Но Севочка, за что я очень люблю, не обидчивый, простили нас тут же.

- Рисковал! Артисты - люди сложные. К ним особый подход нужен.

- Я в этом убедился, когда делал телевизионную программу «Под знаком зодиака», в которую приглашали известных людей, рожденных под одним созвездием. Как-то составлял список гостей для очередной программы. Перечитывал его - и понимаю: все эти люди терпеть друг друга не могут!

Начал их обзванивать, так и есть: почти каждый заявляет - если будет тот-то, я не поеду. Я всем пообещал, что того-то не будет.

Сику и думаю: ну придут они на съемку, увидят друг друга и разбегутся. Тогда мне пришла в голову идея - а почему бы не снять все в морском круизе? С корабля куда убежишь? Когда же все сбились на палубу, то начали по одному подходить ко мне, возмущаясь:

- Олег! Ну, ты же обещал, что этого-то не будет!

А я только разводил руками, мол, ничего теперь не сделаешь, мы уже отчалили. Вышло так, как я и предполагал: через пару часов вокруг царила такая теплая атмосфера! Это была самая веселая, интересная и запоминающаяся съемка.

Помню Саша Абдулов очень переживал: у него в Москве должен был быть спектакль «Ломаная молитва». К работе он очень серьезно и трепетно относился. Но так ему хорошо было, так уезжал не хотелось! Он ко мне:

- Олег! Придумай что-нибудь!

Мы вместе с капитаном позвонили руководству Ленкома и сказали, что в связи со штурмом судна не может привлечь к берегу - и Сашка остался с нами.

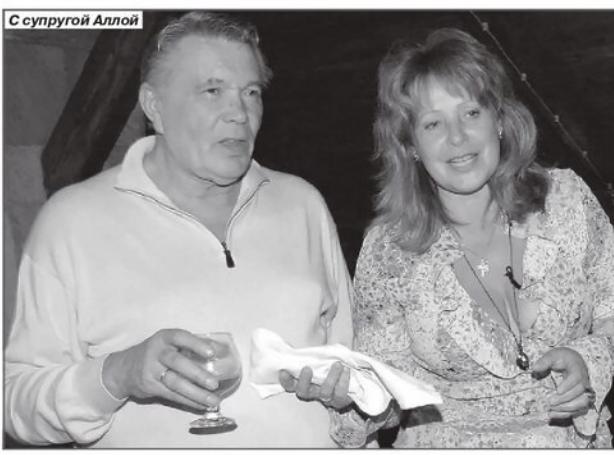
- Как ты относишься к выбору ролей в своем возрасте? Дело в том, что некоторые молодые актеры соглашаются играть тех или иных персонажей просто потому, что соглашают-

ся. И не все могут объяснить, чем тот персонаж, которого они будут играть, может быть интересен зрителям.

- Я счастлив, что нахожусь в своем «Театре Луны» в том положении, что не играю то, что мне не нравится. Я играю только то, что мне интересно. К счастью, таких ролей немало. Все персонажи мне очень близки. Из недавних работ - «Ордайли» в постановке Дмитрия Бикбаева. К нему очень по-разному относятся. Молодежь этот спектакль быстрее «догоняет», старшие пытаются анализировать, и очень многие детали из-за этого упускают. Мой персонаж - главный прокурор города - человек, ко-

С Людмилой Хитяевой, Владимиром Сошальским, Анной Шатиловой и Виктором Павловым

С супругой Аллой

торый обожает свою дочь. Она для него свята, Мадонна. Она вытворяет чёрт знает что, а он это не видит! Поэтому, что любят ее. Но, в то же время, жизненные обстоятельства складываются так, что он ничего не может сопротивляться с той мафией, которая орудует в Лихоманске. Почему? Поэтому, что любовь застилает ему глаза. Если бы все любили, не было бы мафии, не было бы неправильных жизненных обстоятельств.

Еще мне очень нравится комедийная работа «Жена на бис». Из всех комедий, что я видел, это единственная без грамматических ошибок.

- Есть два вида спектаклей: антрепризный и репертуарный. Отечественный театр развивается стремительными темпами. Режиссеры экспериментируют с декорациями, светом, со звуковыми эффектами. Но как тебе кажется, будущее театра за антрепризой, или, все-таки, за репертуарными постановками?

- Я знаю, что история русского театра, в отличие от европейского, а, тем более, американского, всегда предполагала репертуарный театр. У нас очень многие театральные истории что-то вечно высказывают из пальца, что-то поддавывают.

Для того чтобы знать русскую историю, читайте Островского, там все написано. Как они кушают, что говорят.

И, если вспомнить пьесу про актеров «Без вины виноватые», то можно без труда понять, как в то время жили актеры. Город: в городе свои артисты, есть репертуарный театр. Но для того, чтобы люди платили деньги за более дорогие билеты, на главные роли они из Петербурга, из Москвы приглашают звезд. А играют остальные роли свои, любимые, тех, которых знают зрители. А звезды просто поднимают престиж этого театра. Поэтому, мне кажется, что в России основа - это репертуарный театр! Вот, возвращаем, например, мюзикл. Не прикумывается у нас этот жанр!

- Как же? А Московский Театр Мюзикла? Их постановки пользуются большим успехом у публики!

- Мне очень нравятся постановки этого театра, но я бы сказал, что, все-таки, они ближе к оперетте. Понимаешь, в Америке мюзиклы идут по 20 лет на одном и том же месте. У нас, в общем, мюзиклы больше года-двух не живут! Нам, как мне кажется, ближе водевиль, музыкальная драма, оперетта. Просто это ближе нам по духу, по восприятию.

- То есть, дела в памяти жанра?

- Да. Для меня идеальный мюзикл - это любой мюзикл Боба Фосса! В мюзикле должна быть очень сильная эротическая основа. Ведь классический мюзикл всегда вторичен. Всегда есть первоисточник, например, «Тевье-молочник», «Скрипач на крыше», те же «Отверженные» - это знаменитый одноименный роман Виктора Гюго. В основе должна лежать фабула, которую мы хорошо знаем, а сюжет может меняться. И меняется он именно в эротическую сторону.

Я сейчас скажу одну странную фразу. После просмотра одного мюзикла, нащей версии американской постановки, мой знакомый спросил у меня:

- Ну как?

Я ему говорю:

- Вот скажи, ансамбль Игоря Моисеева хорошо танцует?

Он мне говорит:

- Да, потрясающие!

Я говорю:

- Скажи, а вот когда они танцуют, ты когда-нибудь из них хочешь?

Он говорит:

- Нет.

И тут я говорю:

- А я, когда смотрю американские мюзиклы, все хочу.

Из наших мюзиклов мне очень нравятся постановки Театра оперетты. Особенно, последняя, «Анна Каренина». Может, с музыкальной точки зрения, там нет таких шлягеров, которые должны быть в мюзикле, но Юлий Ким просто потрясающе переписал тест Толстого! Но как идет этот мюзикл? Небольшими блоками, в несколько недель. Он идет в рамках репертуарного театра. Мне кажется, это самый правильный подход.

- Что же в жизни самое главное, по-твоему?

- Уверен, что это Любовь!